

**Докладная записка И. И. Воронцова-Дашкова
императору Николаю II**

Записка является ответом Воронцова-Дашкова на дебаты в Государственной Думе по поводу «Кавказского вопроса», написанным сразу же по их завершению. Автор с плохо скрываемым негодованием излагает свои соображения, опровергая по всем позициям выдвинутые в адрес кавказской администрации клеветнические обвинения, вероятно, слишком резкие для царского уха. «Записка» также достаточно полно отражает поиски Воронцовым-Дашковым реформистских путей, сторонником которых он выступал всегда и в которых он видел единственную возможность для искоренения причин, лежавших в основе социальных и межнациональных противоречий на Кавказе.

Публикуемую «Записку» следует рассматривать в ряду переписки Воронцова-Дашкова и Николая II на протяжении всего периода его наместничества^{*}, и в своей совокупности они реконструируют общую картину положения на Кавказе в 1905–1915 гг.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,

5-го февраля в Государственной Думе закончился суждением запрос о терроре на Ханкале, ответом на который я предполагал воспользоваться для того, чтобы выяснить перед Думой общее политическое положение вещей в крае и необходимые реформы для развития его и тесного приобщения к Империи. Этот ответ, предъявленный мною Государственной Думе через барона Нольде и представленный Вашему величеству на высочайшее благоволение еще в апреле прошлого года, категорически отрицающая основу запроса — утеснение мирных русских обывателей Кавказа инородческим его населением и значительно расширяя рамки возможных суждений, позволяя Государственной Думе высказать определенный взгляд на политику, которой следует держаться по отношению Кавказа с общегосударственной точки зрения. К сожалению, предположения мои совершенно не оправдались, так как оказалось, что Государственная Дума совсем не осведомлена с положением кавказских дел. Собственно кавказские представители в Думе по своей партийной тенденциозности не могли, конечно, дать настоящую картину положения вещей на Кавказе. Авторы же запроса, видя, что последний не имеет под собою никакой почвы, стали нагромождать перед Думой целые кучи сочиненных о Кавказе и его управлении анекдотов, для опровержения которых мне пришлось командировать в помощь барону Нольде вполне осведомленного в делах управления краем помощника моего по гражданской части сенатора Мицкевича. Однако и последний нередко оказывался в затруднении давать быстрый ответ на неожиданно сыпавшиеся басни. Поэтому, в сущности, я несколько не удивлен тем, что большинство Думы нашло возможным, отказавшись даже от баллотировки явно необоснованного запроса, отметить в то же время в своей формуле перехода к очередным делам, что находит «объяснения представителей наместника неудовлетворительными».

^{*} Красный архив. Т. 26. М.; Л. 1928. С. 191–126.

Наоборот, судя по ходу прений в Государственной Думе, вращавшихся преимущественно около мелких эпизодов, часто измышленных и не отвечающих действительности, в формуле перехода довольно неожиданно, если не считать речи графа Вл. Бобринского, указываются те меры, которые следовало бы предпринять для улучшения положения края. Эти меры: обновление в нужных случаях администрации и полиции, упорядочение земельных отношений, суда, народного просвещения и переселенческого дела и проведение положительных реформ на началах самоуправления. Все эти меры были намечены мною во всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем, представленной Вашему величеству еще в 1907 году. Они были одобрены Вами, государь тогда же, по рассмотрении этой записки и Совете министров, в журнале которого Вашему величеству благоугодно было положить всемилостивейшую монаршую революцию: «Надеюсь, что возбужденные наместником вопросы получат скорое разрешение». К сожалению, это высочайшее предуказание Вашего величества остается до сих пор не исполненным.

Обновление администрации и полиции мною производится неукоснительно во всех нужных случаях, что вызывает недовольство среди кавказского чиновничества и послужило ближайшим поводом к предъявлению мне запроса о терроре на Кавказе, и отразилось в речах депутатов под видом «изгнания из края лучших русских людей». Однако обновление это не может происходить особенно успешно, так как лучшие люди требуют и лучшего вознаграждения, а штаты кавказских учреждений очень устарели и отстают иногда по нормам вознаграждения даже от штатов внутренних губерний, так что не представляют в себе ничего заманчивого для привлечения в край чинов из центра империи. Между тем, от улучшения личного состава администрации зависит, несомненно, в значительной степени успех всех остальных проектированных мною реформ, так как если исполнители окажутся плохи, то и реформа ими может быть если не сведена к нулю, то искалечена. Поэтому я в скором времени предполагаю войти в Совет министров с представлением об увеличении вообще штатного содержания кавказских чиновников, хотя и опасаясь отказа по финансовым соображениям.

Мои представления по упорядочению земельных отношений на Кавказе с предоставлением владельцам земель прав собственности заканчиваются ныне разработкою и будут в ближайшем времени внесены в Совет министров.

Предположения мои о судебной реформе сообщены по принадлежности министру юстиции, от которого ныне и зависит дальнейшее их направление.

Упорядочение народного просвещения, насколько это находится в моей компетенции, производится быстрыми шагами: народная школа, насколько это в средствах учебного персонала, неуклонно приспособляется к потребностям туземного населения, привлекли местных детей к учению на материнском языке, давая им в то же время знание государственного языка и прививая им любовь к общему отечеству — России — и ее верховному обладателю; средняя школа, почти совершенно оправившись от разразившейся и над ней революционной бури, вошла в нормальную колею, причем, благодаря старанию нынешнего попечителя округа, учебно-воспитательные требования в ней повышены так, как этого не было никогда ранее даже до несчастных 1904—1906 годов; наконец, несмотря на сомнения, разрешит ли правительство открытие на Кавказе в скором времени высшего учебного заведения, кавказцы неустанно приносят жертвования на это заведение.

Что касается упорядочения переселенческого дела, то все его улучшение должно заключаться лишь в его развитии, которое зависит от отпускаемых на него кредитов; в этом отношении я надеюсь на успех, так как теперь нашел столь тщетно искомую доселе мною поддержку в нынешнем главноуправляющем землеустройством и земледелием гофмейстере Кривошеине, который внес мои кредитные предположения в Государствен-

ную Думу в связи с общим моим планом колонизации кавказских степей и черноморского побережья.

Наконец, по отношению реформ, основанных на началах самоуправления, я обязуюсь доложить Вам, государь, что до настоящего времени я воздержался от ближайшей их разработки исключительно по той причине, что попытка моя относительно городского самоуправления в виде представления об организации городского хозяйства на этом начале в гор. Карсе натолкнулась в Государственной Думе на некоторые принципиальные соображения о национальном составе гласных, которые до сего времени не получили еще окончательного разрешения, являясь, между тем, важными для общего вопроса об устройстве городов на Кавказе, а по отношению земской реформы я встретился с сомнением в своевременности немедленного введения ее со стороны Совета министров. Ныне, с признанием желательности этих реформ и Государственной Думой, я, имея в виду высочайшее Вашего императорского величества одобрение моих предположений, приму меры к детальной разработке их для представления Совету министров.

В упомянутой выше формуле перехода к очередным делам имеются два пожелания, которые являются главнейшей целью настоящего моего письма к Вам, государь, а именно: 1) производство сенаторской ревизии и 2) подчинение управления Кавказом Совету министров.

Если понимать второе пожелание в буквальном его смысле, то я не могу не протестовать против него самым решительным образом, вне всякой связи от личного моего положения, наместник Вашего императорского величества на Кавказе может быть подчинен, как и всякий отдельный министр, только верховной власти монарха. В своих исполнительных действиях он должен быть свободен от воли всякого другого лица, кроме особы Вашего величества, неся ответственность за эти действия исключительно перед Вами, государь; его мнения должны доходить до Вашего императорского величества непосредственно и параллельно с мнениями Совета министров в случаях разногласия, чтобы Ваше величество имели возможность ближе оценить и местную точку зрения на данный вопрос. При всяком ином положении наместник будет таковым лишь по названию, превратясь в простого генерал-губернатора, подчиненного министру внутренних дел преимущественно, а при нынешнем объединенном правительстве и всем остальным министрам, причем, очевидно, центр власти передвинется с окраины в С.-Петербург. Между тем, на вопрос о том, можно ли управлять Кавказом из столицы, я могу ответить теперь, подкрепленный опытом, только так же, как и прежде, отрицательно.

Рассмотрение кавказского запроса в Думе приводит к печальному заключению, что у нас в России, а в том числе и в Петербурге, имеется довольно слабое понятие о Кавказе. Большинство, отказываясь мерить его шаблоном внутренних губерний, пытается приложить к нему мерку, взятую из Польши, Финляндии, Сибири и Прибалтийского края, и только очень немногие имеют представление о нем как о величине совершенно особого рода. В Государственной Думе один из ораторов, выдававший себя за особо осведомленного в кавказских делах, после двухчасовой речи обмолвился удачно заявлением: «Мы, господа, понятия не имеем, что делается на Кавказе». Между тем, этот оратор, судя по его заявлению, был щедро снабжен сведениями из петербургских центральных учреждений. У меня уходит совершенно бесцельно масса времени на проверку и отписывание опровержений разных сведений, доставляемых мне Министерством внутренних дел с просьбою дать объяснения по вопросам о забастовке на сельдяных промыслах (?) под Тифлисом, объединения лезгин (?) с молоканами в Эриванской губернии, о движении среди армян (?) в Кутаисской губернии, о бесте¹ (?) среди персидско-подданных в Баку, о готовящемся объединении Дагестана с Азербайджаном, как будто единоверцев, единоплеменников и

соседей, и тому подобным. При такой осведомленности центральных учреждений, упорно при этом не желающих верить донесениям с мест, а стремящихся, наоборот, продиктовать последним свою точку зрения, как, например, диктуется жандармскому надзору своя петербургская окраска местных событий, и он вынужден для доставления удовольствия департаменту полиции заведомо доносить о событиях в неверном освещении, которое мне впоследствии по запросам приходится опровергать, — очевидно, серьезно говорить о возможности управления краем из Петербурга не приходится.

Но, возражая против подчинения наместника Совету министров, я в то же время не только не против более тесного их объединения, но даже нахожу это совершенно необходимым, так как не допускаю мысли о возможности управления окраиной вне связи с общегосударственной политикой. В упомянутой всеподданнейшей записке своей я подробно рассматривал этот вопрос и определенно высказал, что «деятельность наместника должна быть приведена в тесную связь с общею деятельностью центрального правительства и серьезно с нею согласована». С этой целью я проектировал введение наместника (с правом замещать себя особым лицом) в состав Совета министров и включение в местный совет наместника представителей «отдельных ведомств, которые получали бы от министерств общие указания и являлись бы у наместника докладчиками по делам своих ведомств». Это мое предположение возражений в Совете министров не встретило, хотя последний оговорил в своем журнале введение в Совет министров наместника или его заместителя условием «рассмотрения относящихся до Кавказа дел». Однако ни я лично, ни мой заместитель ни разу не были приглашены для обсуждения вопросов общей политики для Кавказа, и мне приходилось делиться своей точкой зрения на положение вещей в крае лишь с одним председателем Совета министров. С другой стороны, члены моего Совета от различных ведомств не получали вовсе общих указаний, чего им держаться при рассмотрении дел, и например, представитель Министерства внутренних дел, по-видимому, не получал от своего ведомства ровно никаких поручений и принужден исполнять мои, не зная даже, как к ним относится его ведомство. Я считаю долгом обратить высочайшее внимание Вашего императорского величества на изложенное мое предположение, которое могло бы получить осуществление в порядке ст. II Основных законов, как не затрагивающее ни штатных, ни кредитных вопросов и всецело относящееся до верховного управления. При этом введении наместника и его заместителя в состав Совета министров не должно быть оговорки, подобной указанной выше, так как наместнику необходимо быть всегда в курсе общей политики правительства, а это не может быть достигнуто при присутствии лишь по кавказским делам.

С вопросом об установлении тесной связи наместника с Советом министров соединяю я и другое пожелание Государственной Думы — о производстве сенаторской ревизии на Кавказе. Выдвигая это положение, Дума, по-видимому, имела к виду лишь тщательное расследование случаев злоупотребления со стороны местных властей, разумея при этом случаи, о которых заявлялось в Думе. По поводу такового заявления о деятельности директора моей канцелярии в д. гофмейстера Петерсона в двух отдельных делах я уже обращался, по просьбе Петерсона, с верноподданнейшим ходатайством к Вашему императорскому величеству о командировании особого облеченного доверием Вашим, лица, но Вашему величеству не было благоугодно на сие соизволить. Ныне я позволяю себе повторить свою просьбу о производстве расследования действий кавказских учреждений при помощи сенаторских ревизий, причем побуждает меня к этому не задетое самолюбие отдельных чинов управления, но интересы целого края. При отмеченной мною ныне неосведомленности центрального правительства и Государственной Думы о положении вещей на Кавказе только сенаторские ревизии, надлежаще поставленные, могут выяснить

истину о крае и его управлении и отринуть ту массу ложных слухов, на основании которых строить отношение правительства к далекой окраине, очевидно, нельзя. Было бы желательно захватить этими ревизиями не только время моего управления, но и более раннее для того, чтобы воочию выяснить причины бывших беспорядков на Кавказе и разрешить навсегда спор, можно ли оставить край без наместничества и управлять им, в его настоящем виде, без проведения промежуточных реформ, из С.-Петербурга. Сенаторские ревизии должны помочь мне как в деле обновления администрации, почему я и испрашивал их у Вашего величества еще в 1905 году при самом приезде на Кавказ, от чего пришлось отказаться впоследствии ввиду разгоревшейся революции, когда было не до ревизий, так и в деле проведения некоторых реформ, например, земской, для которой известные условия могут быть установлены лучшим образом только после тщательного исследования всех местных условий. Я все время говорю о религии во множественном числе потому, что не вижу возможности производства ее одним лицом на всем Кавказе. По-моему, для скорейшего и одновременного обревизивания края необходимо командировать, по крайней мере, пять сенаторов, конечно, объединенных между собою, считая, четырех для Закавказья и одного для Северного Кавказа.

Обращаясь к Вам, государь, с своею всеподданнейшею просьбою о назначении сенаторской ревизии, я лишь себя надеждою, что эта ревизия подтвердит, как я оправдал то высокое доверие к себе со стороны Вашего императорского величества, которым я всегда пользовался и которое еще недавно Вам, государь, благоугодно было выразить мне в Высочайшем рескрипте по поводу моего пятидесятилетнего юбилея службы в офицерских чинах словами: «Я уверен, что прямодушный образ ваших действий, имеющий единственною целью благо Отечества, по достоинству оценен кавказским населением». В то же время, я полон сознанием, что все, что мною делалось на Кавказе, было направлено исключительно на возвеличение среди местного населения священной особы Вашего императорского величества и России.

Вашего императорского величества
верноподданный гр. Воронцов-Дашков.
Гор. Тифлис, 11 февраля 1909 г.

Примечание.

Публикуемая записка хранится в личном архиве И. И. Воронцова-Дашкова в РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 619. Л. 1–7.

Статс-секретарь Э. Ю. Нольде являлся официальным представителем кавказского наместника в Государственной Думе.

1. Бест (*перс.*) — право неприкосновенности некоторых мест в качестве убежищ в Иране (мечеть, гробница, дома высших духовных лиц).